Т. В. Корнилова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ В ТРУДАХ О.К. ТИХОМИРОВА И ЕГО ШКОЛЫ

В статье рассмотрены отличительные черты подхода О.К. Тихомирова к пониманию функционирования мышления человека, связанные с разработкой идей о системном строении сознания, единстве интеллектуальной и смысловой сфер, динамическом соотнесении когнитивных и личностных новоообразований. Показаны истоки современной психологии принятия решений в смысловой теории мышления. Отмечен интерес О.К. Тихомирова к методологии не только деятельностного и культурно-исторического подходов, но и других концепций (в частности К. Поппера), подкрепляющих идею плюрализма мышления человека.

Ключевые слова: познавательная сфера личности, многоуровневая и множественная регуляция мышления и принятия решений, новое мышление, плюрализм, интуитивное и логическое, критическое мышление, саморегуляция.

Методологические вопросы О.К. Тихомиров рассматривал и в теоретическом курсе общей психологии и в своих монографиях и учебниках (1969, 1984, 2006). Он включал их в анализ разных точек зрения на предмет психологии, на критерии психического, на различие психики животных и человека, соотношение сознательного и бессознательного, психики и сознания, мировой и отечественной психологии. Представления о деятельности как основном содержании жизни, о психике как форме активного отражения, антинатуралистическая позиция, принципы развития, единства сознания и деятельности — эти и другие фундаментальные характеристики он считал отличительными чертами отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии. Вместе с тем, выделяя пункты расхождения с зарубежными концепциями и обсуждая критерии научности в психологии, О.К. Тихомиров не апеллировал именно к идеологическим постулатам как к принятым вместе с марксизмом ценностям. Важной чертой его позиции был сопоставительный анализ методологических подходов, на которых базируются общепсихологические концепции не только как марксистски или немарксистски ориентированные, но и как пост-

роенные на содержательно разных принципах психологического объяснения.

Принцип активности субъекта в порождении психики стал в работах его учеников ведущим в связи с изменившимися контекстами ценностных отношений и понимания детерминации психического. В обзорной работе немецкого специалиста по советской психологии мышления В. Маттеуса (1995) была высказана мысль о единстве исследовательского подхода в школе Тихомирова с программой исследований мышления в вюрцбургской школе. После обсуждения этой позиции с О.К. Тихомировым была написана статья об отличиях в понимании регуляции мышления в отечественных психологических школах, в частности именно в контексте принципиально иного методологического понимания активности субъекта познания и сути психологической регуляции мышления (в принятии позиции его социальной детерминации и вместе с тем личностной регуляции) (Корнилова, 1995).

Проблемы предмета психологии и отношения к марксистскому наследию не будут рассматриваться в данной статье, поскольку бесспорно, что О.К. Тихомиров осознанно развивал именно идеи деятельностного и культурно-исторического подходов в общепсихологическом знании.

В настоящей статье будут представлены полемические аспекты развития методологических основ психологии, которые О.К. Тихомиров выдвигал на первый план в последние годы жизни. Эти аспекты демонстрируют те направления движения мысли ученого, которые не могли полнокровно развиваться в условиях идеологического давления прежних методологических установок, казавшихся незыблемыми до начала кардинальных преобразований российского общества в 1990-е гг. Мы также выделим и проанализируем принципиальные положения подхода О.К. Тихомирова к пониманию психологических систем и психологической регуляции мышления, поставившие его имя не только в ряд классиков отечественной и мировой психологии, но и в ряд виднейших представителей нового мышления в психологической науке.

Смысловая теория мышления и познавательная сфера личности

О.К. Тихомиров подчеркивал, что своеобразие человеческой психики заключается не только в наличии сознания, но и в том, что «у человека специфичны и сознание, и неосознанные формы психического отражения» (2006, с. 117). Специфику мышления человека он рассматривал в контексте идеи Л.С. Выготского о психологических системах и единстве познавательной и смысловой

сфер сознания. Составляющие сознания «функционируют не сами по себе, а образуют определенное единство, *систему*, вне которой понять природу отдельной составляющей невозможно» (там же, с. 133). Соответственно этим методологическим установкам интеллектуальные и смысловые процессы нельзя рассматривать отдельно друг от друга. Важнейшим результатом развития этой идеи в смысловой теории мышления (СТМ) стало открытие не только новых составляющих сознания, но и «новых форм неосознаваемого психического отражения и новых структурных единиц деятельности» (Тихомиров, 1984, с. 86). Идея Выготского о том, что мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы сознания, легла в основу построения принципа психологического объяснения в подходе Тихомирова к анализу мышления.

Разработка школы мышления в Московском университете может быть названа основным делом жизни и научного творчества О.К. Тихомирова (Корнилова, Войскунский, 2007). Вместе с тем ее место в мировой психологии еще не осмыслено, и практически отсутствует теоретический диалог с другими отечественными концепциями, в противопоставлении к которым Тихомиров прояснял собственную концепцию. В первую очередь речь идет о концепциях С.Л. Рубинштейна и П.Я. Гальперина. Обе эти теории не раскрывали, на его взгляд, основной принцип анализа мышления как продуктивного процесса — становление новообразований в его актулгенезе (Тихомиров, 1975).

Можно выделить ряд методологических установок, направляющих построение теорий мышления с точки зрения имманентно заложенных в них принципов понимания интеллектуальной сферы. Начнем их раскрытие с проблемы интуитивного и логического (аналитического) в мышлении. В ее решении различными направлениями ведущими становятся методологические принципы деятельностного опосредствования, субъектного или когнитивного подходов.

Уже в первой монографии Тихомиров (1969) отстаивал принцип *активности* субъекта мышления в описании преодоления человеком субъективной (а не объективной) *неопределенности*, включив в это описание формальные процедуры иного по отношению к психологическому — информационного — подхода. В этой книге мышление выступило не как отдельная функция, а как целостная форма познавательной активности, рассмотрение которой возможно на основе не только использования единиц деятельностного подхода, но и раскрытия новых форм активности и единиц ее анализа, фиксирующих специфику единства когнитивных и аффективных новообразований, регулирующих эту деятельность и репрезентированных субъекту на разных уровнях осознанности. Идеи когнитивной

психологии, победоносно шествовавшей в 1960-х гг., были им по-новому «освоены» в направлениях демонстрации несводимости структур мыслительной деятельности к формально-логическим схемам. Тихомиров ввел формулу энтропии в анализ субъективной неопределенности, преодолеваемой человеком посредством интеллектуальных стратегий. В этом контексте, ориентирующем на анализ новообразований, а не только структур мышления, было написано оставшееся малоизвестным послесловие к книге Ю. Козелецкого «Психологическая теория решений» (Бирюков, Тихомиров, 1979), в котором впервые ставилась проблема различия психологических и непсихологических теорий принятия решений.

Работы школы Тихомирова позволяют с методологической позиции признания многообразия форм активности субъекта мышления и идеи многоуровневой и множественной регуляции мыслительной деятельности отнестись к современным постановкам проблемы строения познавательной сферы человека когнитивистами.

В работе Д. Канемана (2006) дана схема, наглядно представляющая принимаемый автором (лауреатом Нобелевской премии) принцип автономной организации систем интуитивного и рационального мышления. Согласно этой схеме, общее функционирование когнитивной сферы опирается на две (когнитивные!) системы, обеспечивающие различие, с одной стороны, принципов наглядности и симультанности, общих для систем восприятия и интуитивного мышленияи, и с другой — принципов вербального и сукцессивного опосредствования познания. Обосновывая свои взгляды, Канеман апеллирует и к богатому эмпирическому материалу, и к теоретическим представлениям о принятии решений (ПР), отражающим нормативный подход («теория проспектов»). Несоответствие реальных стратегий субъекта формальным моделям автор объясняет с помощью понятия эвристик — «ловушек ума», задающих «сдвиги» в использовании информации.

О.К. Тихомиров относился к эвристикам не как к объяснительному принципу, а как к предмету изучения. В ходе исследований раскрывались механизмы многообразных феноменов, относимых к категории интуитивных, и тем самым была показана несостоятельность дихотомий симультанности/сукцессивности и образного/вербального опосредствования познания, поскольку они не соответствуют выявленным феноменам процессуальной регуляции мышления, а именно микрогенезу интеллектуальных стратегий (Тихомиров, 1969).

Перенос положений концепции из одной области (экономической психологии) на все виды интеллектуальных стратегий человека может подлежать содержательному обсуждению. Именно экономические эффекты применения концепции Канемана к организаци-

онным решениям были оценены как его существенный вклад в экономические дисциплины. Однако следует учитывать, что апелляция к истинности с точки зрения постмодернистского понимания критерия «правильна та концепция, которая работает на практике», может вызывать возражения. Другой ведущий представитель когнитивной психологии, Г. Гигеренцер (Gigerenzer, 1998, 2008), успешно спорит с Д. Канеманом именно по поводу психологического понимания сути эвристик и формата задач, в которых они работают как «ловушки», вызывающие искажения в суждениях человека.

Еще на заре становления когнитивного подхода О.К. Тихомиров обсуждал идеи авторов «Общего решателя проблем» (А. Ньюэлла, Г. Саймона, Дж. Шоу) с точки зрения разведения оценок *результата*, достигаемого посредством тех или иных операций, и *процесса*, который ведет к результату. Принятая авторами, реализующими принцип междисциплинарного исследования, в качестве методологической платформы «компьютерная метафора», представляющая мышление как последовательность операций по переработке информации, с его позиций, могла свидетельствовать только об аналогии (о разных путях достижения одного и того же результата). Она не могла выступать доводом в пользу адекватности представления о процессе мышления (мышление несводимо к операциональному уровню) и тем более в пользу предположения об общем строении когнитивной сферы человека.

Для О.К. Тихомирова была очевидной «изменчивость» мышления как предмета изучения в разных науках (психологии, философии, логике, системах искусственного интеллекта). В качестве методологической платформы психологических исследований мышления принципиальным стало выделение именно его *специфики в единстве разноуровневых процессов, опосредствующих мыслительную деятельность*. При этом симультанность могла оказываться мнимой, что было продемонстрировано в понимании инсайта как подготовленного взаимодействием невербализованных (в том числе эмоциональных) предвосхищений и вербализуемых субъектом переструктурирований ситуации. *Динамика* процессуальной регуляции мышления (в единстве когнитивных и смысловых новообразований) противопоставляется в концепции Тихомирова поиску жестких структур в когнитивной сфере. Сегодня идея жестких структур четко представлена в подходах к пониманию принятия решений, с чем можно спорить именно на основе смысловой теории мышления (Корнилова, 2005).

Соотнесение интуитивного и логического как компонентов познания проводилось О.К. Тихомировым иначе, чем в названных зарубежных концепциях и в подходе Я.А. Пономарева, который так же, как

и Д. Канеман, постулировал наличие двух систем — интуитивной и логической. У Пономарева также идет речь о двух различных по принципам своей работы системах, но уже как о режимах функционирования единой когнитивной сферы. Эти две системы опираются на два вида *индивидуального опыта*, отражаемого и не отражаемого на вербальном уровне, но оба вида приобретаются действенным путем.

Существенным отличием концепции Тихомирова от этих двух подходов является обращение к идее *опосредствования*, суть которой как раз в выходе субъекта за пределы индивидуального опыта. Общепсихологическое понимание регуляции психологического опосредствования мышления разными процессами и механизмами строилось Тихомировым на методологическом подходе признания деятельностной «природы» мышления. Другой стороной принятия этого принципа стало менее акцентируемое, но имманентно содержащееся в его работах положение об *открытости* системы опосредствующих мышление процессов в силу актуалгенеза новообразований и взаимоподготовки компонентов интеллектуальных стратегий на осознаваемом и неосознаваемом уровнях.

В современной психологии стала популярной концепция «таситного» (неявного) знания одного из ведущих американских исследователей мышления и интеллекта Р. Стернберга (Стернберг и др., 2002), которая также апеллирует к индивидуальному опыту субъекта. В этой теории строение познавательной сферы представлено трехуровневой концепцией, а интуитивные решения, соотносимые с практическим мышлением, стали предметом специальных исследований именно в силу невозможности предположений о симультанном интуитивном мышлении. «Таситное» знание используется субъектом именно как имплицитное и полученное в действии. Но сам характер этого «действенного» способа получения знаний совершенно по-разному задан в концепциях Тихомирова, Пономарева и Стернберга.

Итак, постулирование только двух режимов функционирования когнитивной системы, стоящей за интеллектуальными решениями, является существенным упрощением представлений о познавательной сфере. За понятием интуиции скрываются разные процессы и механизмы *множественной* и *многоуровневой* регуляции мышления, а не один, связываемый с определенным способом перехода от интуитивного знания к осознанному использованию интуитивных решений[1]. Важно также подчеркнуть именно функциональный, динамический аспект понятия интуиции в школе Тихомирова в про-

---

[1] Обзор современных исследований интуиции, развернутых в 1990-х гг. за рубежом, сделала О.В. Степаносова (2003).

тивовес структурно заданному статусу двух систем — интуитивной и вербальной — в концепциях Канемана и Пономарева.

Как и для Я.А. Пономарева, для О.К. Тихомирова центральным предметом исследований были проблемы мышления и творчества (а в последние два десятилетия жизни — и проблема принятия решения). Но механизмы развертывания творческого мышления эти психологи представляли по-разному. Для Тихомирова ведущим процессом в осознанной регуляции мышления стало *целеполагание*, *целеобразование* во всем многообразии процессов постановки целей и динамике их взаимодействий с мотивационными составляющими процессов *смыслообразования*. За иерархиями целевых структур вскрывались источники и процессы произвольного и непроизвольного целеобразования (Психологические механизмы..., 1977), переход к выделению которых в качестве специального предмета изучения был подготовлен предыдущими исследованиями операциональных смыслов и эмоционально-мотивационной регуляции мышления (Тихомиров, 1969).

Наряду с использованием материала так называемых малых творческих задач экспериментальные исследования в школе Тихомирова включали анализ многоэтапных интеллектуальных стратегий на материале открытых задач (как ситуаций доопределения целей субъектом) и закрытых (принятия решений, или decision making), формирования искусственных понятий, шахмат и других игр, включая взаимодействие с компьютером, а также на модельных ситуациях, которые Д. Дернер называл «комплексными» проблемами.

С конца 1970-х гг. неосознаваемые уровни регуляции стали связываться в исследованиях школы также с личностно-мотивационными переменными диспозиционального уровня, и психодиагностические методики прочно вошли в арсенал используемых методических средств. Личностные свойства, когнитивные стили, виды внешней и внутренней мотивации выступили в качестве важнейших компонентов личностной регуляции мышления.

Материал психологических исследований многоэтапных интеллектуальных стратегий позволял подкреплять гипотезы о множественной регуляции актуалгенеза мышления, а не о едином, универсальном механизме перехода от функционирования одной системы (интуитивной и невербальной) к другой — вербальной и осознанной. Напротив, сопоставление разноуровневых показателей свидетельствовало о развернутости во времени и наличии этапов микрогенеза стратегий, в котором и осознанные цели задавали направления обследования ситуации, и неосознаваемые этапы действенного построения операциональных смыслов элементов предшествовали формулированию промежуточных целей. Конечные же цели

действий во многом зависели от того, как субъект самоопределялся в общей направленности на достижение гностически или прагматически направленных целей (Корнилова, Тихомиров, 1990).

Итак, если и можно выделять две системы познавательной сферы личности, то такими системами в исследованиях Тихомирова выступали уровни *осознаваемых* и *неосознаваемых* процессов и компонентов, регулируемых личностными (мотивационными, смысловыми) новообразованиями, а не когнитивные системы «интуитивного/дискурсивного». В компьютеризированном эксперименте по формированию искусственных понятий была показана роль *доцелевых* предвосхищений и *опережающих* оценок, а также специфика личностной регуляции стратегий со стороны свойств саморегуляции — рациональности и готовности к риску, мотивации достижения и познавательной мотивации, влияний ряда когнитивных стилей в зависимости от уровней неопределенности (там же). Позже О.В. Степаносовой было выявлено взаимодействие стремлений к интуитивному и аналитическому анализу в ходе невербализованной подготовки вербального прогноза в группах испытуемых, различающихся по показателям глубинной мотивации (Степаносова, Корнилова, 2006). В кросскультурном сравнении показана роль личностных ценностей при групповом принятии решений (Будинайте, Корнилова, 1993).

Таким образом, проблема взаимодействия недискурсивных (в том числе интуитивных) и вербально-логических процессов выступила в школе Тихомирова не как проблема взаимодействия двух когнитивных систем. Она была переведена в ранг другой, более общей проблемы источников и направлений становления *саморегуляции* интеллектуальной деятельности, представляющей единство качественно различающихся и в разной степени осознаваемых опосредствующих процессов. При таком подходе заведомо не может быть заранее предполагаемых уровней и ограниченного числа составляющих подсистем (двух, трех и т.д.), поскольку личность как субъект мышления доопределяет (в актуалгенезе решений и действий) целевые иерархии и взаимоподчиненность когнитивных и эмоциональных процессов в целостной системе психологической регуляции мышления как деятельности.

В кратком учебном пособии «Понятия и принципы общей психологии», представляя проблему *плюрализма* мышления, Тихомиров (1992) подчеркивал, что и словесно-логическое мышление неоднородно как по отношению к центру и периферии сознания, так и по уровням обобщений (в частности, нельзя недооценивать элементы комплексного мышления у взрослых и эффективность действий при опоре на обыденные и эмпирически выявленные ориентиры).

Там же он ввел в качестве общепсихологических проблемы *догматического мышления* и *здравого смысла*, представив в новом ракурсе проблемы рационального (реалистического) и эгоцентрического (по установкам субъекта) мышления, проанализировал характеристики *нового мышления*, недостаточность психологической квалификации понятий личности, единомыслия и инакомыслия.

Обращение к идее надындивидуального знания реализуется О.К. Тихомировым в теоретико-экспериментальной проработке гипотезы о *преобразовании мышления* при использовании субъектом стимулов-средств (в том числе и новых информационных технологий) (Корнилова, 1980). Работа в этом направлении подробно обсуждается в других статьях данного выпуска журнала.

Принципы построения психологической концепции принятия решений

Разработка деятельностного подхода к пониманию психологической регуляции принятия решений (ПР) оказалась тесно связанной с осмыслением методологических принципов, причем не только деятельностного опосредствования, но и системного подхода к этой проблематике. В середине 1970-х гг. термин ПР вышел за рамки использования в системах управления и, в частности, в связи с исследованиями мышления (и интеллектуальной деятельности с включением в нее компьютерных средств) приобрел иное, собственно общепсихологическое звучание.

В диалоге с П.К. Анохиным о возможности междисциплинарных подходов к проблеме ПР и в ответ на его позицию, согласно которой функциональная система задает универсальные архитектуру и принцип функционирования любой деятельности (нужно только наполнить ее конкретными механизмами этого функционирования), О.К. Тихомиров (1976) отстаивал необходимость признания специфики психологической регуляции ПР человеком. В вышедшей через 14 лет совместной монографии он продолжал на этом настаивать: «...переориентация на общие механизмы привела к утрате интереса к специфическим, свойственным лишь человеку механизмам принятия решений. Таковы издержки комплексного, междисциплинарного подхода к исследованию принципов принятия решений» (Корнилова, Тихомиров, 1990, с. 16).

Спустя тридцать лет проблема специфики психологической регуляции ПР вновь стала актуальной, теперь уже в связи с конституированием специальной области психологических исследований ПР, не только ассимилировавшей общепсихологические и другие подходы, но и обострившей методологическое звучание проблемы построения собственно психологической теории выбора

(Корнилова, 2005). Вместе с О.К. Тихомировым нами была начата разработка принципов регуляции ПР на основе принятия принципов деятельностного подхода, системного строения сознания, активности личности как субъекта познания.

«Принятие интеллектуальных решений» — термин, обоснованный именно выделением области выборов субъекта, опосредствованных мышлением. Идея многоуровневого опосредствования (разными процессами) ПР предполагала также обозначение контуров понимания их актуалгенеза как *самоорганизации* интеллектуальной деятельности и *активного построения* (порождения) субъектом мышления процессуальных иерархий регуляции выбора, охватывающих *множественные формы саморегуляции*. На материале ПР было показано, что разные когнитивные стили и личностно-мотивационные свойства в актуалгенезе решений начинают входить в новообразования, включающие становление «разумных» (когнитивных) оснований, и в актуалгенезе динамически складывающейся системы саморегуляции могут иметь единый функциональный «выход», т.е. оказывать регулирующее влияние на *одни и те же базисные процессы*, *опосредствующие решения субъекта*.

В развиваемой нами концепции, базирующейся на СТМ и предполагающей изучение *личностной обусловленности принятия интеллектуально опосредствованных решений*, функционально-уровневая регуляция предполагает не структурное оформление жестких регулятивных профилей ПР, а именно их функциональный статус, распространяемый как на уровни доцелевых предвосхищений и метаконтроля (как форм саморегуляции), так и на уровни парциальных *динамических регулятивных систем*, а также возможность выхода на ведущие уровни как когнитивных, так и личностных новообразований (Корнилова, 1997, 2003, 2007). При этом на первый план выдвигается идея *функционального* взаимодействия процессов разноуровневой регуляции ПР, а наиболее существенными аспектами понимания их регуляции становятся представления: 1) о возможности разного психологического опосредствования внешне одинаковых выборов в условиях неопределенности; 2) о порождении субъектом иерархий различных (и разноуровневых) функциональных средств преодоления субъективной неопределенности; 3) о преобразовании собственных интеллектуально-личностных возможностей посредством развития функционально-процессуальных регулятивных новообразований — динамических систем психологической регуляции ПР. Эти психологические системы принципиально *открыты* (переструктурированию и вхождению в них новых составляющих) и отражают именно *динамически* складывающиеся иерархии психологического опосредствования.

На основе использования положений, выкристаллизовавшихся в СТМ, можно ожидать и проводить обсуждение новых представлений о принципах саморегуляции мышления. Это будет продолжением поиска регулятивных принципов самоорганизации познания (точнее, познавательных стратегий) как *новообразований*. А поиску новообразований Тихомиров был всегда открыт.

Учитывая общий контекст смысловой регуляции мышления, мы считаем, что изучение принятия интеллектуальных решений означает раскрытие целостной системы их психологической саморегуляции в единстве всех составляющих активности как самореализации человеком своего интеллектуально-личностного потенциала (Корнилова, 2007).

Развитие идей СТМ и методологические позиции К. Поппера

В последнее десятилетие жизни О.К. Тихомирова беспокоила традиция излишне социологизаторского подхода к построению теории личности. Сосредоточение на дифференциации видов и типов только мотивационных иерархий означало для него «более узкую трактовку личности», чем следует из установления этапов личностного развития (Тихомиров, 1992). Его представление о *сознательной личности* базировалось на том, что человек сознает, в какие системы отношений он включается. Таким образом, верхний уровень саморегуляции — это самосознание личности, функционирующее и в метаконтроле его решений и действий: «На высших этапах становления личности это может привести к попыткам активного выхода из той или иной системы общественных отношений и перехода в другие системы» (Тихомиров, 2006, с. 510).

Выраженная в этой цитате мысль может быть соотнесена с идеей К. Поппера об активном установлении человеком законов-норм (в отличие от законов природы). Свободные решения человека не выводятся из фактов, хотя и имеют к ним отношение: «*...невозможно вывести предложение*, *утверждающее норму*, *решение или*, *скажем*, *политическую рекомендацию из предложения*, *утверждающего факт*» (Поппер, 1992, с. 99; курсив Поппера. — *Т.К.*).

Сам О.К. Тихомиров этот аспект попперовской концепции не рассматривал. Но цитировал другие ее положения. Он считал, что Поппер привел ряд значимых для психологов характеристик деятельности и мышления, поддерживал его мысль о том, что «“активистские” тенденции нейтрализованы у К. Маркса историцизмом» (Тихомиров, 1995, с. 122). Заданное Гегелем понимание свободы как осознанной необходимости так же, как и Поппером, рассматривалось О.К. Тихомировым как «реакционное предубеждение», означающее отвержение мысли о самопричинном характере деятель-

ностно-смысловых основ саморегуляции. Он призвал психологов учесть психологическую трактовку установления причинности человеком (как феномен его познавательной деятельности).

Анализ *критического* мышления (в противовес *догматическому*) в работах Поппера Тихомиров оценил как важный вклад не только в методологию науки, но и в развитие общепсихологических знаний о специфике разных форм мышления (это, по Тихомирову, один из аспектов того, мимо чего прошла лабораторная психология мышления). В рамках проблемы психического развития он выделял позицию Поппера (принцип «экзосоматического развития») как перекликающуюся с теорией развития высших психических функций Л.С. Выготского (там же, с. 121). Ему также импонировало решение Поппером проблемы соотношения генотипа и фенотипа, «психологическая априорность», связанная с регуляцией познания ожиданиями субъекта, «знаниями», предшествующими наблюдению (поиск регулярностей и закономерностей) (там же).

Активность личности и новое мышление

Идеи О.К. Тихомирова (1992) о порождении личностью своего мира и переструктурировании собственных мотивационных структур на основе «перевода» ценностей как социально функционирующих образований в мотивационно-смысловые (сугубо психологические) образования легли в основу целого направления исследований, проводимых психологами в г. Томске. Э.В. Галажинский (2003, с. 76) справедливо заметил, что первоначально ценности и смыслы в теории О.К. Тихомирова понятийно не разводились. Но в разнонаправленных исследованиях школы сформировались представления о *множественной регуляции* мышления, связанной с разноуровневыми процессами и разными (по виду и уровню осознанности) личностными детерминантами. Оставалось сделать следующий шаг — перейти к идее системной детерминации, освоив при этом идеи «свободного действия» и «свободной инициации» мышления. Обращение к проблеме самореализации личности и «непричинной детерминации», выбора «жизненных сред» и созидания многомерного мира как основания своего осознанного бытия — эти и другие положения развиваемого подхода еще будут оцениваться в контексте конкретных психологических исследований.

Итак, основываясь на теории деятельности, СТМ постепенно включала все новые повороты в развитии личностного подхода. При этом О.К. Тихомиров (1992, 1995, 2006) отмечал взаимосвязанность двух существенных перспектив развития теории деятельности — разработки идеи активного и свободного характера деятельности, а также утверждения смыслового пути развития личности.

Отношения между такими психологическими категориями, как деятельность и личность, деятельность и общение, выступали в трудах О.К. Тихомирова в качестве фокусирующих фундаментальные проблемы построения общепсихологического знания. Разведение категорий деятельности в социальном и психологическом знании и дифференциация видов совместной и индивидуальной деятельности были бы, по мнению Тихомирова, очень значимыми как для продвижения в проблеме «деятельность и общение», так и для снятия многих надуманных противоречий в реализации деятельностного подхода на уровне конкретных психологических исследований.

Характеризуя все более частое после 1991 г. использование термина «новое мышление», О.К. Тихомиров (1992, с. 61) отмечал, что непсихологические публикации на эту тему обогащают психологов. Но психологи должны провести специальную работу по выявлению психологических характеристик нового мышления, называемого и «новым педагогическим», и «новым экономическим», и «новым политическим» мышлением. Два основания помогают с оптимизмом отнестись к введению термина «нового психологического» мышления. Первое — связь его с анализом новообразований как характеристик творческого мышления. Второе — усиление мотивационно-ценностного аспекта в понимании мышления современного человека.

Анализ процессуальных характеристик нового мышления позволяет говорить о нем, во-первых, как о выраженности новообразований при решении поставленных задач, во-вторых, как о способности «найти задачу, которая раньше не ставилась» (там же, с. 62). Поиск нового метода решения — характеристика нового мышления, соотносимая с характеристикой мышления творческого. Но именно во втором варианте — в самостоятельной постановке новых задач — реализуется то новое мышление, с которым связывается активность личности.

Положение, что «новое» не обязательно выступает синонимом «лучшего» или «более творческого», Тихомиров раскрывал при анализе таких тем, как усиление рутинного характера деятельности в условиях компьютеризации, указание на излишнюю заорганизованность как технику подавления творческого мышления (и в школе, и в семье, и в профессиональной деятельности), на искусственно поддерживаемое социумом единомыслие. Он подчеркивал, что само многообразие видов и стилей мышления человека делает «единомыслие» психологически невозможным, а различие между интуитивным и словесно-логическим в процессах мышления указывает на плюрализм в способах порождения психологических новообразований и формах освоения человеком мира.

Более серьезным аспектом плюрализма оказывается его неоднозначная оценка социумом. Полагая, что безоценочная позиция может свидетельствовать о новом мышлении, Тихомиров не связывал безоценочность с некритичностью. В этом отношении укажем на два момента его обращения к концепции К. Поппера.

Книга К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1992) вышла на русском языке в том же году, что и работа О.К. Тихомирова (1992). Важно отметить, что в обеих публикациях, столь различающихся и по целям, и по охвату проблем, методологической пристрастностью авторов отмечена одна общая мысль — об осуществлении обществом по отношению к носителям «другого» мышления как психологических, так и физических воздействий.

К. Поппер (1983) ввел социальный аспект принуждения к определенному мышлению в контекст методологии развития научного познания. Он показал, что научные теории могут отвергаться на основе получения противоречащих им фактов (принцип фальсификации), но они не могут приниматься как истинные. Всегда возможно построение иной (новой) интерпретации, и лишь при отсутствии конкурирующих объяснений теория может приниматься как «истинная» (правдоподобная, по Попперу). Этот автор рассматривает возможность только одной веры – веры в человеческий разум. И на этом основании всегда следует предполагать новые гипотезы и теории. Возведение социальных (и физических) преград возникновению конкурирующих теорий и гипотез — это и есть, по Попперу, критерий закрытого общества.

Искренняя приверженность О.К. Тихомирова идее методологического плюрализма проявлялась в признании вариативности путей построения психологического знания (1992, с. 32). Развитие идеи множественной регуляции мышления (на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, в его самоинициации и детерминации разными видами когнитивно-личностных образований) вводило эту идею в систему внутренней регуляции направлений исследований, объединяемых названием «школа Тихомирова».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований. Послесловие // Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.

Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопр. психол. 1993. № 5.

Галажинский Э.В. Дифференциация смыслов и ценностей в психологии мышления и проблема уровней самореализации личности // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления / Под ред. В.В. Знакова, Т.В. Корниловой. М., 2003.

Канеман Д. Карты ограниченной рациональности: психология для поведенческой экономики // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 2.

Корнилова Т.В. Целеобразование в «диалоге» с ЭВМ и в условиях общения: Дис. ... канд. психол наук. М., 1980.

Корнилова Т.В. Идеи активности познания в отечественной психологии мышления // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4.

Корнилова Т.В. О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 1.

Корнилова Т.В. Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. Ставрополь, 2007.

Корнилова Т.В., Войскунский А.Е. Олег Константинович Тихомиров — создатель школы мышления в Московском университете // Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Ярошевского. М., 2007.

Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М., 1990.

Маттеус В. Многоуровневые концепции познания в российской и грузинской психологии // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. М., 1992.

Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1977.

Степаносова О.В. Современные представления об интуиции // Вопр. психол. 2003. № 4.

Степаносова О.В., Корнилова Т.В. Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 2.

Стернберг Р., Григоренко Е.Л. Практический интеллект. СПб., 2002.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. М., 1969.

Тихомиров О.К. Актуальные проблемы современной психологии мышления // Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1975.

Тихомиров О.К. Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решений / Под общ. ред. П.К. Анохина и др. М., 1976.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М., 1992.

Тихомиров О.К. К. Поппер и психологическая наука // Вопр. психол. 1995. № 4.

Тихомиров О.К. Психология: Учебник / Под ред. О.В. Гордеевой. М., 2006.

Gigerenzer G. Ecological intelligence: an adaptation for frequencies // The evolution of mind / Ed. by D.D. Cummis, C. Allen. N.Y., 1998.

Gigerenzer G. Why heuristics work // Perspect. on Psychol. Sci. 2008. Vol. 3. N 1.